

Глава — 1

Ойтуш слышал, как шумит море. Волны неспешно накатывали на берег, поглощая гальку. Море было не отличить от неба, как ни смотри вдаль, туда, где должна быть линия горизонта. Невозможно было понять: вечер сейчас или утро, ведь в этом месте — об этом парень знал точно — не бывает ни приливов ни отливов.

Рядом с ним была девушка. Ее фиолетовые волосы развевались на ветру, как флаг, и лица было не разглядеть. Зато заметить, что она ждет ребенка, было совсем не сложно.

Кровь запульсировала в виске — пора просыпаться.

Больше всего на свете Ойтуш хотел сейчас остаться в своем сне. Там, где низкие темно-синие облака, наполненные дождем; они вовсе не угнетают, а напротив, успокаивают. Где шелестит галька, съедаемая серыми волнами, а соленый воздух хочется вдыхать полной грудью. Там, где им с Сати больше не нужно убегать и прятаться.

Пульсация перерастает в надоедливую боль — прошло ровно семь часов, отведенных Ойтушу на сон. Мозговой таймер невозможно перепрограммировать.

Сновидение отступает, и на смену свежести моря приходит затхлость химического склада. Кто-то другой, возможно, побрезгует входить сюда без защитного костюма, но для Ойтуша это дом. Снятый за небольшую плату отсек заброшенного склада химических веществ, над которым пролегает ветка метро. Грязно, сыро, с потолка капает, зато нет камер видеонаблюдения. Идеальное место для тех, кто скрывается от протектория.

Снова разряд боли, на этот раз уже сильнее. Выпростав руку из-под одеяла, Ойтуш находит висок и десять раз постукивает по нему пальцем, мысленно считая в обратном порядке. Только так можно отключить эту дрянь в мозгу: убедить, что ты действительно проснулся, готов к подсчетам и простой моторике.

«Доброе утро, Ойтуш Эвери», — сообщает негромкий голос в его голове.

— Да уж, доброе — не то слово, — отвечает Ойтуш, зная, что его все равно никто не услышит.

«Сегодня четверг 2 апреля 2209 года. В Метрополе ожидается пасмурная погода, осадки в виде снега и дождя. Однако служба метеоконтроля обещает, что

разгонит тучи к полудню...»

Чип, что вживляется всем гражданам старше шестнадцати, умеет не только посадистски будить, но и сообщать последние новости. К сожалению, их, в отличие от таймера, отключить нельзя.

Сати как всегда ушла раньше, оставив после себя смятую подушку, а на столе — остатки вчерашнего ужина. Ойтуш задавался вопросом: сколько еще она будет подкармливать его? Таскать еду, что дают в ее школьной столовой? Рано или поздно кто-нибудь из интуитов заметит, что маленькая хрупкая девочка берет больше еды, чем все остальные. Тогда им не избежать проблем.

Сати. Та самая девушка из сна Ойтуша... вот только сейчас ей всего пятнадцать. Они принадлежат к разным социальным классам, и по реалиям нашего времени, им запрещено быть вместе. Она — Первый, элитный класс, на который общество возлагает большие надежды, а он — Второй, рабочий класс, обладающий гораздо меньшими правами и возможностями. Да, через год их классы сравниваются, но сегодня Ойтуша могут расстрелять даже за то, что он просто держит ее за руку.

«Температура вашего тела составляет 38 градусов Цельсия. Самочувствие оценивается как 4 из 10. Рекомендуется срочно пройти обследование на дот-вирус», — продолжало вещать «радио».

Дрожащими руками Ойтуш наливает воду в стакан. Мутная, с желтоватыми хлопьями, но другой здесь не достать. Пытается сделать глоток, но ком в горле не позволяет, и парень заходится силным кашлем. Слезы брызгают из его глаз, на лбу выступают бисеринки пота.

Ломка, похожая на героиновую, слишком яркие сны — пора было признаться самому себе, что он подхватил-таки это чертов дот-вирус. Проклятая зараза, десять лет назад унесшая тысячи жизней. До сих пор непонятно, какова была его природа: злой рок или же случайно созданное учеными смертельное оружие. Человечество думало, что раз и навсегда победило рак, создав штамм вирусов, способный атаковать опухоль. Но вирус слишком быстро мутировал. Вместо волшебного лекарства против рака люди получили быстро распространившуюся заразу, вызывающую грипп, омерзительные галлюцинации, а в итоге отказ почек, печени, легких. Люди умирали, задыхаясь и смотря красочные сны.

Какое там обследование, пора вставать в очередь за сывороткой и как можно

скорее. Хорошо если удастся получить иммуноглобулины хотя бы через неделю — может до этого времени Ойтуш и протянет.

Две таблетки экстазина летят в рот вместе с неразогретыми остатками ужина — теперь хотя бы половину рабочего дня парень точно осилит. Сати категорически против экстазина — он действительно ставит на ноги, но пристраститься к нему легче легкого. Тем не менее Ойтуш просто не может не выйти на работу сегодня, впрочем, как и в любой другой день: граждане Второго класса вообще не вольны выбирать свой образ жизни.

Подумать только: Ойтушу Эвери всего двадцать — то самое время, когда перед человеком начинают маячить осознанные цели, когда уже есть опыт, но еще не утрачена способность мечтать. Будь он здоров и силен, имей он *одаренность*, вполне возможно, что именно этот парень изменил бы мир.

Но не в Метрополе и не в наше время.

Считается, что одаренность проявляет себя до шестнадцати лет, именно поэтому детей в нашем обществе принято чуть ли не на руках носить. Любой из детей — это потенциальный одаренный, а значит тот, за кем стоит будущее нашего чудом уцелевшего мира. Обучение в школе, денежное пособие, сбалансированное питание, лучшие врачи, тренера, массажисты; множество привилегий, прав и возможностей — все это включено в понятие «Первый класс».

Так было и с Ойтушем. Он иногда вспоминал свое детство, где будучи гражданином Первого класса, он, как и все дети, считал себя пупом земли. Шестнадцать лет промелькнули яркой вспышкой; это было веселое и беззаботное время, где слова «нельзя» попросту не существовало. Но все хорошее закончилось слишком быстро: не найдя в парне ни грамма одаренности, протекторий постановил вживить чип в его мозг, а вместо Первого класса присвоить Второй.

Тем не менее все могло быть гораздо хуже. Ойтуш мог никогда не встретить Сати.

Закинув упаковку с экстазином во внутренний карман старого пальто, парень покинул химический склад и вышел под мокрый снег. Над спальными районами Метрополя облака практически никогда не разгоняли, и из-за тяжелых туч, нависших над домами-муравейниками, день было практически не отличить от ночи, особенно в межсезонье. Миновав с десяток казино с неисправными, но исключительно яркими

светодиодными вывесками, Ойтуш по привычке пробежался глазами по аптечным киоскам. Почти на каждом из тех, что встречались на пути парня, мелькали вывески вроде: «Сыворотки нет и не будет» и «Только для Первого класса». Город охватывала новая волна эпидемии дот-вируса, а значит совсем скоро морг Метрополя ждало пополнение.

Послышался низкий гул. Должно быть где-то там над облаками, в тысячах километров от Метрополя пролетал сейчас глайдер. Однажды Ойтуш видел его вблизи: серебристый корпус с острыми крыльями, а на брюхе — лавровый венец, известный всему миру как символ одаренности. Глайдер перевозил одаренных на Остров, туда, куда Ойтуш уже много лет не мечтал попасть. Он замер и жадно и уставился в небо, но не увидел ничего, кроме низких красновато-коричневых туч. Звук с каждой секундой удалялся, и сердце Ойтуша сжалось от той самой невыносимой тоски, которая бывает всякий раз, когда ты приближаешься к чуду, а потом отпускаешь его безвозвратно.

Пора было спешить на работу. Побыстрее выкинув глайдер из головы, парень направился к метро.

О работе городского морга Ойтуш знал более чем достаточно. В шестнадцать лет он был распределен в сферу медицины, так как именно эта профессия, по мнению протектория, подходила ему больше всего. Ойтуш не возражал; он учился с удовольствием и почти мечтал, как будет работать врачом, но из-за одной роковой ошибки на четвертом курсе академии, его отчислили и разжаловали в отдел изъятия органов.

Это была конвейерная работа. Ровно в восемь утра, облачившись в хирургический костюм, маску и пластиковые очки, Ойтуш заступал на свое рабочее место. В его обязанности входил прием трупов, сбривание волос с их тел, отсасывание жира, а также удаление ногтевых пластин. Иногда попадались задания «поинтереснее»: изъятие роговицы, пункция костного мозга и других тканей. В таких случаях хирургическим навыкам Ойтуша было где разгуляться.

После — маркировка пакетов с трупным материалом и передача в отдел переработки. В Метрополе ничего не пропадало: жир шел на изготовление косметики,

волосы — на парики и элементы одежды, а ногтевые пластины черт знает на что — Ойтуш не горел желанием вдаваться в детали.

Так и сегодняшний рабочий день обещал стать одним из многих: неприятный рутинный труд, воспоминания о котором побыстрее хочется выкинуть из головы по дороге домой.

Едва Ойтуш переступил порог «холодного цеха» — как называли свой отдел работники морга — над одним из грузовых лифтов загорелась лампочка.

— Ого, рано сегодня, — бойко произнес низенький мужчина в возрасте, чей препаровочный стол находился по соседству со столом Ойтуша.

— Так лекарство в городе закончилось, Риши, — отозвался парень. — Сегодня их будет завалиться.

— Давай этого я возьму, — сказал Риши с энтузиазмом затаскивая на стол труп в целлофановом пакете. — О, дама. Люблю, когда утро начинается с прекрасного.

В отделе давно сложилось негласное мнение о том, что Риши был не совсем здоров психически: ну кто еще мог с таким почти неприкрытым удовольствием разливать кроваво-желтую массу жира по пакетам? Он приходил на службу раньше всех, уходил последним и никогда не брезговал самой грязной работой. Однако, с этим крепким стариком было о чем поболтать, даже несмотря на всю его чудаковатость.

На обработку тела у Ойтуша уходило обычно около сорока минут. Добавим сюда время, что уходило на расфасовку по пакетам — в итоге возни получалось немало. Но сегодня ему везло: двое щедушных стариков, что доставил грузовой лифт, были практически лишены подкожно-жировой клетчатки.

На запястье каждого из трупов было клеймо с временем и причиной смерти. Для большинства граждан Второго класса причина смерти выставлялась весьма условно, разумеется кроме тех, кто был распределен на высокие должности. Люди умирали от голода, инфекций, переохлаждения, травм на производстве и очень редко — от старости. Опыт стариков не ценился в нашем обществе; для государства они были балластной прослойкой, которая уже не может полноценно работать, но все еще продолжает занимать место.

— Ойтуш, возьмешь малыша? — спросил один из работников, наполовину стащив с лица одноразовую маску. — Тут ювелирная работа нужна.

— Что, действительно Первый класс? — с сомнением произнес Ойтуш, подходя

к соседнему столу. На нем наполовину выпавший из целлофана, лежал подросток с изумрудными волосами.

— Сейчас посмотрим, — сказал Эдмундс, убирая пряди волос с виска молодого парня.

— Чип вживлен, — констатировал он, замечая тонкий шрам.

— Ну надо же... а выглядит лет на тринадцать, — с горечью произнес Риши, чуть приподняв подведенное зелеными стрелками веко мальчика.

Представители Первого класса нечастые гости в морге. Наше правительство бережет их как зеницу ока. Но по сути, чем вот такой семнадцатилетний парень отличается от других детей годом моложе? Неужели *одаренность*, это свойство воспринимать мир не так, как все остальные, должна определять: кому жить, а кому умереть?

— Да, я возьму его, — без эмоций сказал Ойтуш, перетаскивая тело на свой стол.

На белоснежной коже парня были следы побоев, как старые, так и совсем свежие. Дата смерти: 05:32. Причина смерти: не указана.

Все это было как-то странно. Цвет волос, макияж, многократные побои... Неприятная догадка закралась в голову Ойтуша, и он принялся внимательно осматривать тело.

Так и есть. На внутренней части бедра был штамп корпорации.

— Это сиделка, парни, — прокомментировал Ойтуш, сдвинув брови.

В отделе повисло молчание: каждому хотелось думать, что смерть парня была быстрой.

Сиделки, или живые игрушки — это красивые юноши и девушки из числа Второго класса, которых богатые семьи нанимают для своих детей. Каждая из сиделок получает препарат, подавляющий желания и волю, что делает их покорными и беспрекословными. В Метрополе существует несколько крупных корпораций, предоставляющих сиделок за большие деньги. По факту корпорация должна контролировать здоровье и безопасность своих изделий, но по сути, бизнес есть бизнес. Чем больше ты заплатишь, тем больше тебе позволено.

Маленькие дети жестоки по своей природе, а дети богатых родителей — и вовсе не знают границ. Многие из сиделок умирают долго и мучительно, Ойтуш знал

достаточно таких историй.

Но самое печальное было в том, что некоторые люди добровольно заключали контракт с корпорациями. Причины могли быть совершенно разными: куча кредитов, нищета, в которой увязли твои родные, проблемы с законом... Пособие, выплачиваемое сиделкам, могло годами кормить целую семью. Вот только сами «игрушки» должно не жили. В основном из-за наркотиков, что по договору они обязаны были принимать. Ну или как вот этот зеленоволосый парень со следами избиений. Причина смерти не была указана, но Ойтуш пришел к выводу, что дети, играючи, заставили его съесть несколько лезвий: пищевод и желудок были располосованы изнутри.

За год работы в морге Ойтуш успел многое повидать. Он научился быть хладнокровным почти ко всему, но иногда такие вот жестокие и бесчеловечные смерти просто выбивали из колеи.

К окончанию «ювелирной работы» — у мальчика надо было взять роговицу глаза — Ойтуш чувствовал себя совершенно опустошенным. Благо, что писк наручных часов возвестил о начале обеденного перерыва.

На обед работникам морга было отпущено всего полчаса. На ходу стаскивая свой изрядно запачканный кровью хирургический костюм, Ойтуш торопливо спускался по лестнице: обед обедом, но у него были дела куда поважнее.

Пищеблок, совмещенный со столовой, находился на нулевом этаже, по соседству с отделом хранения трупов. Длинные металлические столы, низкие потолки и трупный запах не сильно способствовали пищеварению, но за год работы Ойтуш успел привыкнуть. Точнее, научился не замечать мелких отвратительных деталей и концентрироваться лишь на том, что предстояло сделать.

У многих Вторых, в том числе и у работников морга, нетрудно было заметить этот взгляд: отрешенный, пустой; в нем никогда не пылал огонь. У тех, кто всю жизнь имеет дело с рутинной — а среди Второго класса их большинство — глаза перестают сиять, даже в столь редкие приятные моменты жизни. Они, как и накаченные препаратами сиделки, медленно плывут в тихих застойных водах своих мыслей. Каким бы ярким ты ни был в детстве, рутина и однообразие со временем сделают свое дело.

Но тем не менее парень знал: пока в его жизни есть Сати, огонь в его глазах погасить будет очень трудно.

Взяв поднос с едой, Ойтуш расположился рядом со своими коллегами. В отделе изъятия органов он был самым молодым, причем с больш́им отрывом: мужчин его возраста в основном распределяли для тяжелого физического или умственного труда. Ойтуш старался не думать о том, что откачивать жир и брить волосы ему предстоит до конца жизни — ни разнообразия, ни перспективы, ни веры в «светлое будущее».

На обед сегодня были слипшиеся макароны с мизерными кусочками соевого мяса и холодная протеиновая баланда. О вкусах составители меню не заботились: лишь бы было сытно, и работники не падали в голодный обморок. Глядя, как Эдмундс и Риши с аппетитом уплетают дармовые харчи, Ойтуш только для вида ковырялся в своей тарелке. Последние полгода он лишь формально ходил на обед.

Однажды, прочесывая коридоры в ожидании конца смены, парень совершенно случайно наткнулся на запасной выход, лишенный камер наблюдения. С тех пор, каждый рабочий день, ровно в полдень, Сати приходила повидаться с ним. Минут на десять, не больше, но это драгоценное время было для них настоящим сокровищем. А еще Сати приносила парню немного еды из школы: свежие овощи, мясо, зелень. Нужно ли говорить, что разница в школьном меню и в меню работников городского морга была поистине колоссальной?

Закончив ковырять остывшие макароны, Ойтуш ленивым шагом вышел из столовой, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Миновав несколько коридоров и лестничных пролетов, он очутился в подсобке под лестницей. Приятный полумрак и запах сырости, что царили в этой кладовке, успокаивали, давали ощущение надежности и безопасности. Ждать парню пришлось недолго.

Тихонько скрипнула дверь черного хода, и маленькая фигурка в надвинутом на лицо черном капюшоне осторожно проникла в здание морга.

— Кхе-кхе, — еле слышно подал голос Ойтуш. Если бы протекторий узнал, что Сати ходит сюда и тем более носит ему еду, Ойтуша неминуемо ждала бы смерть. Вот почему с мерами предосторожности этим двоим было сложно перестараться.

— Привет, — шепотом произнесла девушка, легонько ступая в темноту подсобки.

Не говоря ни слова, Ойтуш взял ее лицо в ладони и нежно поцеловал куда-то в

область носа.

— Опоздание на две минуты, мисс Лаллеман, — шутливым тоном произнес парень и постучал по циферблату своих рабочих часов. — Лишаю вас десерта.

Сквозь полумрак Ойтуш видел, как девушка на пару секунд скорчила недовольную гримаску: насмешка над их строгим школьным режимом была весьма злободневной.

— Смотри, что я принесла тебе, — сказала Сати.

Поставив рюкзак на пол, она суетливо принялась вынимать запасы своего школьного обеда, а Ойтуш не мог оторвать глаз от ее миниатюрных и таких проворных пальцев.

Сати никогда не рассказывала о своих родителях. Она ничего не помнила о них, точно так же как Ойтуш не помнил своих маму и папу. Это было не таким уж и редким явлением среди жителей Метрополя. Вероятнее всего, родители Сати были одаренными — только они проводят опыты с генетическим кодом человека. Иногда на улицах города можно было встретить людей с шестью пальцами, разноцветными глазами или причудливыми родимыми пятнами — все это результаты искусственно выведенных мутаций. Генотип Сати тоже когда-то был искусственно изменен, только так можно было объяснить удивительный сиреневый цвет ее волос.

У того мальчика тоже были необычные волосы... Вспомнив тело, доставленное пару часов назад, Ойтуш тяжело вздохнул.

— Ты чего? — насторожилась Сати; она удивительно тонко чувствовала перемены в его настроении.

— К нам сегодня привезли сиделку. Смерть... такая нелепая, — в последний момент Ойтуш решил не говорить о том, что желудок парня напоминал кровавый прохудившийся мешок.

— Само их существование сплошная нелепица, — покачала головой Сати.

Больше нечего было сказать. Ойтуш молча принялся за обед.

— Мне пора идти, — с сожалением вздохнула Сати. Десять минут, как всегда, пролетели невероятно быстро.

— Угу, — кивнул Ойтуш, сминая фольгу, в которой еще пару минут назад была запеченная картошка с мясом. — Спасибо за обед, мелкая.

Мелкая. Потребовалось несколько лет, чтобы Сати перестала обижаться на это

прозвище, что с легкой руки дал ей Ойтуш.

— Сколько еще уроков сегодня?

— Математика, прато-лингва, анатомия, — перечисляла Сати. — Вечером две тренировки по кэндо.

Услышав про кэндо, Ойтуш схватил швабру, стоящую в углу подсобки, и с невероятно серьезным лицом изобразил несколько атак.

— Дурак, — смеясь, сказала Сати, глядя как парень размахивает палкой, пародируя фехтовальщиков.

Улыбнувшись, Ойтуш отставил швабру и крепко обнял девушку.

— Я просто рад, что ты учишься постоять за себя, — прошептал он ей на ушко.

Рабочая одежда Ойтуша пропахла кровью, а сам он был очень худым — прижавшись к нему, Сати чувствовала выступающие ребра. Стиснув зубы, она пообещала себе, что на ужин принесет в два раза больше еды.

За работу в морге с утра до вечера Ойтушу платили какую-никакую зарплату. Но она была в пять раз меньше пособия, что получала Сати, просто являясь гражданином Первого класса. И, тем не менее, Ойтуш, этот упрямый тип, безоговорочно настоял на том, чтобы лично оплачивать аренду их жилья. От денег Сати он отрекся, как от огня, все время повторяя, чтобы девушка тратила их «на себя»: покупала красивую одежду, косметику, всегда была сытой и ни в чем не нуждалась.

Но Сати не могла даже подумать о том, чтобы купить себе очередное платье или помаду, зная о том, что ее единственный друг страдает от голода. Путем долгих споров, девушке удалось буквально выбить себе право носить обеды ему на работу. При всем богатстве Метрополя, найти качественную еду в магазинах было не просто, для школ же всегда поставляли только самое лучшее. Сати таскала для Ойтуша все, что только можно было стащить из школы, и, хоть он и ругал девушку за неоправданный риск, наградой за ее заботу была огромная благодарность в его глазах.

Но кроме этого, была и другая, более серьезная проблема, что отнимала львиную долю бюджета Сати. Втайне от Ойтуша, девушка снимала еще одну роскошную квартиру в престижном районе Метрополя, просто ради того, чтобы отвести от себя пристальный взгляд протектория. Пару раз в месяц ей приходится ночевать там, чтобы не вызвать подозрений у соседей, но настоящий дом Сати всегда был там, где был Ойтуш.